

Сергей Носов

**ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ
ПЕТЕРБУРГСКИХ
ПАМЯТНИКОВ**

ПОЛНАЯ ВЕРСИЯ

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СРЕДИ НАС

Памятники существуют, и существуют весьма оригинально. Не будучи биологическими объектами, они обнаруживают специфическую, хотя и неочевидную на временных промежутках активность – было бы кому наблюдать. Способ их присутствия в нашем жизненном пространстве можно соотнести с жизнью в общечеловеческом понимании этого слова. Они действительно «живут». Хотя и не совсем по-людски.

Сосуществование с ними расширяет наши представления об окружающем мире. По отношению к нам их положение двойственное. Как артефакты, они, конечно, принадлежат сферам нашей, то есть человеческой культуры, но, с другой стороны, именно нам, человекам, справедливо рассматривать их внеположенно нашим собственным духовным ценностям – как некую данность. И здесь мы могли бы определить место памятникам где-то между царством неживой и царством живой природы. Даже, пожалуй, ближе к царству живой. Необходимо учесть только, что категория

одушевленности неприменима к ним. Любой объект обязан быть одушевленным или неодушевленным – любой, но не памятник. Человеческий язык вообще мало приспособлен для отображения их бытия.

Наш опыт общения с памятниками довольно груб, примитивен. Побольше бы нам деликатности в этом вопросе, и мы бы, возможно, знали слова, пригодные для описания бытия памятников. За отсутствием должного опыта приходится пользоваться тем, что имеем, – простыми, по-человечески апробированными глаголами *живут, чувствуют, понимают, хотят...*

То же мы говорили бы, наверное, об инопланетянах, если бы реально ощущали их присутствие рядом с собой.

Они, памятники, более всего и напоминают инопланетян.

Такую тихую цивилизацию, существующую параллельно с нашей. Их возрастающее присутствие все более очевидно. И, похоже, они готовы пойти на контакт...

Любой памятник рукотворен и до известной степени несамостоятелен. Полноценной жизнью (по своим меркам) он живет только во взаимодействии с людьми. Это взаимодействие, часто весьма драматичное, наполняет существование памятника смыслом, а точнее сказать, смыслами, многие из которых, на иной человеческий взгляд, часто кажутся паразитарными, побочными. Но не в этих ли смысловых девиациях заключена предназначенная для нас информация? Надо лишь знать, как ее раскодировать.

Предназначение памятника, на человеческий взгляд, грубо говоря, – «чтобы помнили». Памятник и рад выполнять эту функцию, но люди в силу обстоятельств, которые они сами часто называют историческими, так или иначе навязывают памятнику отношения другого рода. Памятнику гораздо сложнее понять людей, чем людям – памятник. Ориентированному на вечность трудно понять мельтешащих, тогда как предающемуся метаниям обычно всегда и все ясно.

Нам, например, ясно, кто виноват в наших бедах. Если виновного перед глазами нет, мы обращаем свой взор на памятники... Мы требуем ответственности от них, и в первую очередь ответственности за тех, кому они посвящены. Люди – за поступки людей – заставляют отвечать памятники!.. Памятники – идеальные объекты для наказаний. Они не просто терпеливы, они умеют *претерпевать*.

Вероятно, здесь что-то есть от магии: не имея возможности покарать исторических лиц, некогда покинувших сей мир, люди выносят приговор соответствующим монументам. Репертуар воздействий велик – от оскорбления жестом до полного уничтожения. Их могут, например, подвергать принудительной изоляции (иначе выражаясь, «хранению»), как, скажем, поступили с памятником баронету Я. В. Виллие: в 1948-м, задним числом, организатор врачебного дела в России был объявлен английским шпионом, после чего памятник ему демонтировали и заключили в деревянные ящики на срок, который получил бы настоящий шпион. Конная скульптура Александра III, кажется, испытала на

себе все виды отбывания сроков – и под домашним арестом, и в одиночной камере (деревянном футляре), и в символической клетке (на десятую годовщину Великого Октября). Мало того, этот памятник пытались перевоспитать посредством ритуального перепосвящения с открытием новой надписи на пьедестале. Иногда памятники подвергают изгнанию, очень часто – выселению с законного места. Памятники могут лишиться собственности – отдельных деталей (аксессуаров и атрибутов), а иногда и самой недвижимости, под которой в их случае следует понимать постамент. Скажем, величественный постамент все того же Александра III однажды употребили на полезное дело – на пьедесталы другим памятникам: Римскому-Корсакову и дважды Героям Советского Союза.

Чаще бывает по-другому: не памятник переживает свой постамент, а постамент – памятник. В Петербурге можно встретить пустующие постаменты. Будь ты памятник царю, будь революционеру, твой постамент одинаково может лишиться тебя. Например, постамент памятника Бабушкину незаметно стоит в парке имени этого революционера, так же как напротив больницы, когда-то названной Александровской в честь царя Александра II, до сих пор стоит часть постаменты памятника царю-освободителю. В ином случае отдельный постамент становится как бы сам новым памятником – так произошло с гранитной призмой, служившей до революции пьедесталом для памятника гренадеру Леонтию Коренному, герою войны с Наполеоном. Переместившись с Васильевского

острова во двор Музея Суворова, постамент благодаря сохранившейся надписи «РОДНОМУ ПОЛКУ» стал восприниматься как памятник лейб-гвардии Финляндскому полку, что, в общем-то, справедливо: памятник и был в свое время установлен к юбилею полка на парадной лестнице офицерского собрания.

Произнося слово «увековечить», мы даже не задумываемся, насколько смертны памятники. Как бы ни были они «ориентированы на вечность», средняя продолжительность их жизни соизмерима с человеческой. Веками живут немногие, все они хорошо известны в лицо, и всем им когда-то так или иначе угрожала опасность. Да и что значит «веками»? Памятник Петру I, старейший в Петербурге, был закончен «всего лишь» к 1755 году, после чего еще сорок пять лет бесхозно пылился на складе, пока его не вызволил на Божий свет Павел, чтобы установить перед Михайловским замком. И это, наряду с Медным всадником (1782), верхний возрастной предел. А вот памятник великому князю Николаю Николаевичу (старшему) – другая конная скульптура, в Петербурге по счету пятая – простоял на Манежной площади четыре года (1914–1918). Или Сталина взять. На что казался незыблемым – всего в городе было их пять, бронзовых, четырех открыли практически одновременно перед ноябрьскими праздниками 1949 года (через месяц после первых расстрелов по «ленинградскому делу»), а пятого еще через год, простояли соответственно двенадцать и одиннадцать неполных лет, аккуратно до XXII съезда партии, принявшего известную резолюцию.

Лениных тоже заметно поубавилось. Вот, например, один из самых «молодых» Лениных, установленный перед стадионом его же имени, продержался, будучи гранитным, всего четырнадцать лет – вплоть до переименования стадиона. Став ненужным здесь, он приглянулся жителям города Полярные Зори, куда и был отправлен по их просьбе. На его месте в 1994 году появился бронзовый бюст Петра I (заменять Ильича Петром входило в традицию), но уже через несколько месяцев бронзовую голову царя весом сорок килограммов украли злоумышленники. Тогда здесь торжественно открыли памятник другому Петру – легендарному футболисту Петру Дементьеву. Публика наивно приняла памятник за бронзовый, а он был всего лишь покрашен под бронзу. Памятник стал рассыпаться, и двух лет не прошло, как его, мягко говоря, утилизировали.

Есть такие патогенные зоны для памятников – стадион «Петровский», Манежная площадь, еще несколько.

Что касается «временных материалов», интерес к ним возник в годы Гражданской. Ладно памятник Володарскому, взорванный контрреволюционерами, погиб как единственный в своем роде, но ведь другим образцам «монументальной пропаганды», стремительно сгнувшим в силу естественных причин (нестойкость материала), счет уже в двадцатые годы шел на десятки. Но даже если не брать в расчет те по большей части гипсовые изваяния, число утраченных памятников в городе нашем будет на сегодняшний день где-то за семьдесят.

Стоит ли удивляться, что выставленные на обозрение памятники отнюдь не всегда жаждут публичности. Часто памятники пытаются стать незаметными, слиться с обшарпанными стенами заводских корпусов, спрятаться в кустах, что, к слову, весьма характерно для ведомственных Ильичей. Им действительно есть чего опасаться, они давно в группе риска. Даже высокостатусные Ленины – такие как у Финляндского вокзала и на Московской площади – не могут не испытывать беспокойства. Хотя с этими все же считаются. И вот что придумано: чтобы приглушить их будто бы актуальный пафос, к ним применили прием огламуривания. Окружили фонтанами. И Ленин на броневике, и аникушинский в распахнутом пальто, оба, кажется, приняли правила игры – они теперь как дирижеры водных потоков, распределители струй. Каждый из них теперь почти как петергофский «Самсон».

Август 2008

НЕ-ПЛЕХАНОВ

Не помню, когда посадили две липы. Я и не замечал их вовсе. Обратил внимание на деревья, только когда летом однажды в их зелени потонула верхняя половина того, кого мы привыкли называть Плехановым. Лишь рука Плеханова тянется к свету. Правая.

Остальное время года, когда листьев нет, монумент практически доступен для обозрения весь.

Памятник Плеханову всегда меня поражал тем, что он двухфигурный. Вроде бы памятник одному человеку, а изображены двое. Один, интеллигентного вида (принято считать, что это и есть Георгий Валентинович), стоит на возвышении за кафедрой или трибуной и, судя по жесту правой руки, произносит яркую речь; другой, с засученными рукавами, представлен тоже во весь рост, но на полтуловища ниже первого, – правой рукой он облокотился на молот, а в левой сжимает древко знамени, надо полагать, красного, – это некий рабочий.

Слово «некий» здесь не вполне уместно – данный рабочий не есть конкретный рабочий,

а, пожалуй, абстракция, пожалуй, аллегория всего рабочего класса. Во всяком случае, так принято думать. На первый взгляд это действительно так, но почему-то именно с этим и не желает мириться рас-судок. Действительно, если Плеханов (человек за кафедрой) – лицо историческое, то и присутствующий рядом с ним человек обязан обладать именем, отчеством и фамилией.

Между тем поименован только один: «Г. В. Плеханов. 1856–1918».

Мало того, рабочий не только лишен имени, но еще и уступает верхней фигуре в размерах. По сравнению с «Плехановым» он выглядит сущим подростком.

Помню, в школьные годы, проходя с портфелем, набитым учебниками, мимо этой загадочной композиции, я старался, на нее не глядя, поскорее проскользнуть за спиной великана-трибуна. Диспропорция в размерах фигур откликнулась в моей душе смутной тревогой. Может быть, невольно отождествляя себя с юным рабочим, я терялся перед величием и непостижимостью этого – всезнающего и всё видящего, отдаленно напоминающего директора школы, готового уличить меня в тяжких грехах: опять забыл дома сменную обувь или, хуже того, замыслил прогулять обществоведение.

Вспомнилось вдруг: однажды директору школы учитель труда сломал руку. Драка у них приключилась. Наш трудовик пил, приходил на уроки датый. Директор в юности был боксером, вряд ли трудовик был самбистом, но руку директору он

умудрился как-то сломать – правую, и тот некоторое время ходил с гипсом. После драки директор трудовика уволил.

Зачем они такие разные? В самом деле, зачем?

Легче всего это бьющее в глаза несоответствие объяснить несогласованностью в работе двух скульпторов, – действительно, авторство верхней фигуры принадлежит, как теперь мне известно, И. Я. Гинцбургу, а нижней – М. Я. Харламову, но это слишком поверхностное объяснение. Несоразмерность фигур безусловно концептуальна. Здесь указание на то, что фигуры принадлежат разным видам реальности. Но вот какая – какой?

А кто нам сказал, что рельефная надпись «Г. В. Плеханов» относится к персоне, стоящей за кафедрой? Откуда такая уверенность?

Сегодня я убежден, что рабочий, стоящий внизу с молотом и знаменем, это и есть сам Георгий Валентинович Плеханов.

Вспомним знаменитый памятник Суворову между Марсовым полем и Троицким мостом. Суворов не похож на себя, он в латах, со щитом, оголенной шпагой в руке. Но это – Суворов! Точно так же Плеханов. Подобно Суворову, представленному нам в образе Марса, Плеханов явлен в образе молодого рабочего. Фартук на нем – примерно то же, что и римские латы Суворова. Молот и знамя – это как шпага и щит. Плеханов аллегоричен и вместе с тем человечен – он не возвышается над людьми, как тот, кто над ним и над нами, тот, кто стоит за кафедрой.

Так кто же тогда стоит за кафедрой?

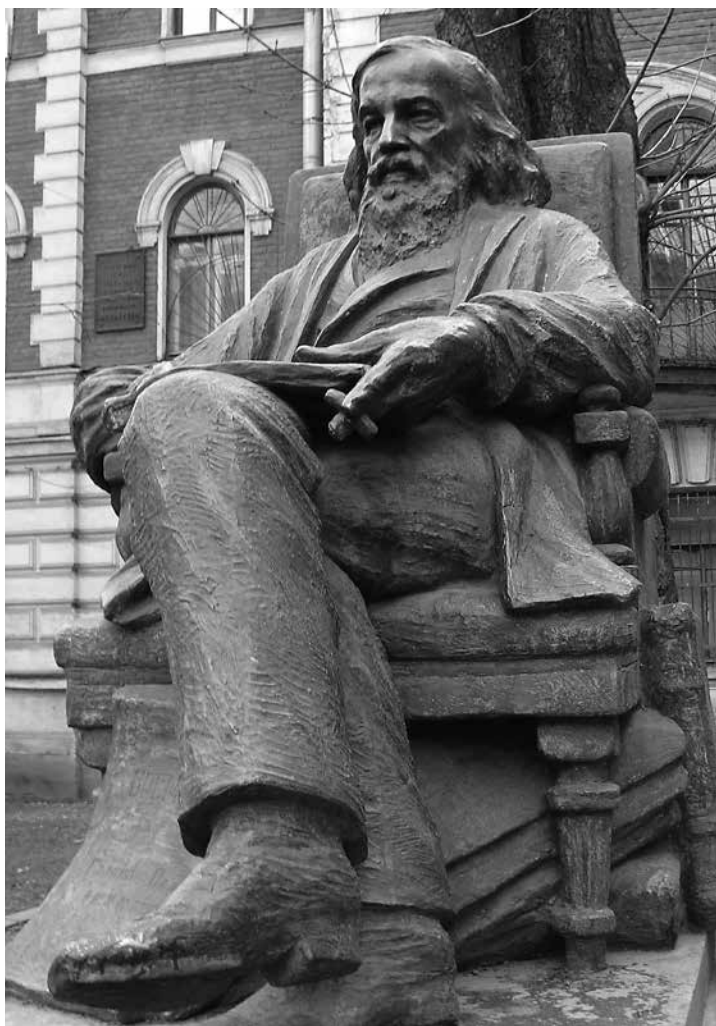
А вот это уже чистой воды аллегория. Это гений марксизма.

Аллегория, божество... Чистый гений теории прибавочной стоимости. Он. Или Оно.

Вот оно вытянуло руку из зелени и хочет ветви раздвинуть. Чтобы не застило глаза ему больше – пора! – и чтобы быть самому явленным миру...

2003

МЕНДЕЛЕЕВ, ЕГО СЕКРЕТ

По крайней мере два раза в год – по сдаче весенних экзаменов и 1 сентября – бронзовому Менделееву, что сидит в саду по адресу Московский проспект, 19, благодарные студенты Технологического института чистят нос. Подозреваю, они пользуются химическим реактивом.

Вообще-то в институте есть свой Менделеев, как бы ведомственный, во дворе, но возвышается голова того Менделеева на недосыгаемой пятиметровой высоте, заданной брускоподобным пьедесталом. Здесь нужна лестница. Общегородской, конечно, доступнее.

Бородатый, длинноволосый Дмитрий Иванович не кажется обиженным на студентов. Сверкающий даже в пасмурную погоду нос выглядит диковато, но выражение лица в эти дни у памятника снисходительно-добродушное: эх, дураки, дураки!..

Он сидит в кресле – вальяжно, нога на ногу – в скверике около дома, в котором когда-то жил. Соответственно, и обстановка очень домашняя. Это, пожалуй, самый домашний памятник в городе. Один из самых неброских. Можно пройти мимо

и не заметить. Очарователен беспорядок под креслом – груда книг, какие-то свитки... Все очень предметно, конкретно, буквально. Причем буквально «буквально»: на одном из ученых трудов, лежащих под креслом, различимы неровные буквы, из которых складываются слова: «Временник Главной палаты мер и весов». А вот что за слова, что за цифры и формулы содержит солидный фолиант, в раскрытом виде лежащий на ноге ученого, сказать трудно. Для этого надо перейти Московский проспект, подняться как минимум на третий этаж Технологического института и посмотреть в бинокль в окно; проще, однако, вскарабкаться на пьедестал, он невысокий – один метр всего. Нас ждет разочарование. Страницы книги девственно чисты. Менделеев лишь делает вид, что читает. В том-то и фокус. Что можно читать в книге без букв? (Надо полагать, это еще не написанная книга.) А ничего. Так чем же занят ученый? Ничем. Абсолютно ничем. И книгу он открыл для отвода глаз. Я знаю секрет Менделеева. Если мы обратим внимание на левую руку Дмитрия Ивановича, то с удивлением обнаружим, что памятник что-то прячет от нас. Подойдем-ка поближе, присмотримся. Что же мы видим? В руке папироска! У него ж перекур! Менделеев только что затянулся и теперь от посторонних глаз пытается скрыть недокуренную папироску!

Потрясающе. Я не знаю более трогательной детали во всем петербургском сообществе мемориальных фигур. Что слава посмертная, что память, когда нельзя покурить? Скульптор Гинцбург Илья Яковлевич знал, что делал (было ему далеко за

семьдесят, когда открывался памятник), это он, академик, сам одной ногой стоявший в могиле, позаботился о маленькой слабости великого химика: пусть курит себе! В лаборатории нельзя, а здесь можно. А то ведь устанешь вечно сидеть.

Между прочим, автор Плеханова.

Если Менделеев чуть-чуть повернет голову направо, то обязательно увидит – совсем рядом – в каких-то ста шагах от себя, перед главным входом названного его именем института, где он долгие годы заведовал химической лабораторией, Плеханова – Георгия Валентиновича, не химика. Впрочем, памятникам вредно друг на друга смотреть.

С легким сердцем выдаю секрет Менделеева, потому что более чем уверен: прячет он папироску не от нас с вами (нам-то что, мы его понимаем!..), а от членов какого-то там чопорного худсовета образца 1932 года, не способных допустить даже мысли о курении памятников.

Лишь соображениями конспирации объясняется отсутствие пепельницы. Ничего не поделаешь, приходится Дмитрию Ивановичу стряхивать пепел на пол, то есть на газон.

2003

ПРИЛОЖЕНИЕ

Из дневника 2003 года: 19 июня

У Менделеева блестел нос, рядом с памятником копошилась женщина с тряпкой. Подхожу:

действительно, памятник вытирает – докуда может достать. Я поинтересовался, не знает ли она, кто нос начищает. Говорит: кадеты. Ему еще и погоны прилепляют. А я думал, студенты Технологички. – А при чем тут, спрашивает, Технологичка? – Ну как же, говорю, химик все-таки. – Это он химик? – удивляется женщина. – А кто же? Вот таблица его (показываю на мемориальную таблицу на брандмауэре дома по левую руку от памятника). – И тут она мне начинает что-то несусветное нести. Дескать, под Пермью в лагере сидел профессор Б., который сверх элементов таблицы Менделеева открыл еще две тысячи элементов – вот кто был химик. Менделеев к нему специально в Пермь ездил, чтобы поговорить об элементе литии. Ко всему этому имела какое-то отношение президент Академии наук г-жа Дашкова. – Подождите, говорю, Дашкова в восемнадцатом веке жила. – А Менделеев в каком? – насторожилась женщина. Отвечаю: в девятнадцатом, в начале двадцатого. – Нет, говорит, в восемнадцатом! А потом добавляет: вы сами ему и начистили нос!

Все это она говорила с задором: меня, мол, не проведешь, я все знаю. Худая, домашние тапочки. Два зуба во рту.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА